

Эго-восприятие и танатос-центрация как источники суицида в подростковом возрасте

Шнейдер Л.Б.,

доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психологии семьи и детства, Российский государственный гуманитарный университет (ФГБОУ ВО РГГУ), Москва, Россия, lshneider@yandex.ru

Сургучева Н.В.,

магистрант, кафедра психологической антропологии, Московский педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО МПГУ); педагог-организатор, ГБОУ «Школа 1347», Москва, Россия, nsurgucheva@rambler.ru

---

В статье рассматриваются структурные, процессуальные и причинные аспекты самоубийства, обсуждается проблематика детского философствования, специфика подросткового возраста в контексте суицида, раскрывается сущность понятия «суицидальный риск» и возможности его диагностики. Выявлено, что среди причинных факторов суицидального риска, по мнению родителей, значительная роль принадлежит конфликтам и личностным особенностям детей; по мнению самих подростков, суицидальные намерения возникают в связи с субъективной невозможностью построения удовлетворительного продолжения жизни. Установлено, что риски суицида и варианты суицидального поведения в старшем подростковом возрасте различаются в зависимости от пола, возраста, мировоззрения и личностных особенностей.

Ключевые слова: самоубийство, подросток, родители, суицидальное поведение, суицидальные намерения, суицидальный риск.

Для цитаты:

Шнейдер Л.Б., Сургучева Н.В. Эго-восприятие и танатос-центрация как источники суицида в подростковом возрасте [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2019. Том 8. № 1. С. 189–214. doi: 10.17759/psyclin.2019080112

For citation:

Shneyder L.B., Surgucheva N.V. Ego-Perception and Thanatos-Centrations as Sources of Suicide in Adolescence [Elektronnyi resurs]. Clinical Psychology and Special Education [Klinicheskaiia i spetsial'naia psikhologiiia], 2019, vol. 8, no. 1, pp. 189–214. doi: 10.17759/psycljn.2019080112 (In Russ., abstr. in Engl.)

Введение

Проблема самоубийств периодически заявляет о себе всплеском завершённых суицидов. В связи с этим отрочество в силу своей психологической незрелости и уязвимости требует особо пристального внимания.

Суицидальное поведение подростка, объединяющее все проявления суицидальной активности – мысли, намерения, высказывания, угрозы, попытки, покушения, – часто свидетельствует о невозможности самостоятельно разобраться в себе и решить свои проблемы.

Суицид в своей основе – многомерное психологическое явление; сложность его структуры подчеркивают как зарубежные [7; 20; 24; 30; 33], так и отечественные [1; 6; 8; 9; 16; 23] исследователи. В суицидологии изучаются разнообразные аспекты суицидального поведения подростков. Многосторонне изучены психологические аспекты подросткового суицида (Й. Пурич-Пейякович, Д.Й. Дуньич [18]; Р.Д. Эверелл, К.Э. Бостик, Б.Л. Паулсон [31]; Е.А. Веселкова, Л.М. Века [4]; О.Н. Тарасевич [22]). С медицинских позиций данное явление рассматривалось А.Н. Ишимбаевой [10] и А.В. Куликовым [12], в биопсихосоциальном ракурсе – А.С. Рахимкуловой и В.А. Розановым [19]; в контексте аддиктологии – В.А. Солдаткиным, А.В. Дьяченко, К.С. Меркурьевой [21] и Я.И. Гилинским [6] и др. Склонность к суицидальному риску у лиц с разным отношением к смерти стала предметом исследований в работах Л.В. Восковской [5], В.Н. Карандашева [11] и др. Не остались без внимания вопросы предупреждения самоубийств и профилактики суицида в подростковой и молодежной среде (А.Г. Амбрумова, С.В. Бородин, А.С. Михлин [1], И.Б. Бовина [3] и др.)

Вместе с тем проблематика суицидальных исходов в контексте эго- восприятия и центрации на самоуничтожении в подростковом возрасте остается менее изученной. Ментальное смешение некрофильных и «биофильных» [25] тенденций с нарастающим уклоном в сторону влечения к смерти у подростков-суицидентов проанализировано недостаточно. Ряд зарубежных авторов [20; 34 и др.] связывают явление тяготения к смерти с проблемой интеллекта, ментальным осмыслением и пониманием ее неизбежности и неотвратимости. Постигание человеком смерти как полного уничтожения породило страх перед ней и инициировало возникновение ощущения бессмысленности жизни [20]. Казалось бы, страх перед смертью должен блокировать некрофильную интенцию, но ощущение бессмысленности существования (в силу разных обстоятельств) может достигать беспредельных размеров и способно породить мощное стремление к

самоуничтожению. Именно это характерно для тех людей, которые решаются на самоубийство. Однако этот ментальный аспект суицида в подростковом возрасте мало изучен.

К этому надо добавить, что оценка суицидальных рисков детей родителями не осуществлялась. Мало известно и о применении в исследовательской практике проективных методов изучения отношения к смерти и выявлении суицидальных мыслей подростков.

Цель исследования заключалась в выявлении особенностей саморазрушительных установок и характеристик суицидального поведения в старшем подростковом возрасте, его оценки взрослыми (родителями) и подростками.

Были выдвинуты следующие **гипотезы**:

1) риски суицида и варианты суицидального поведения в подростковом возрасте различаются в зависимости от пола, возраста, ментально-рефлексивных и личностных особенностей;

2) искажения в эго-восприятии и специфика центрации на смерти способны приводить к суицидальным исходам.

Самоубийство как психологический феномен: структурные, процессуальные и причинные аспекты

Суицид как психологический феномен разворачивается вокруг двух составляющих – смерти и самого субъекта. Сущность данного явления составляет добровольное приближение человека к смерти, его намеренное «вхождение» в ее пространство. При этом типовая суицидальная «интоксикация» имеет определенную динамику (скоротечную или длительную). Тематика смерти захватывает человека последовательно: сначала возникают разочарование (в ком-то или в чем-то) и отвержение реалий бытия, их обесценивание; затем постепенно появляется танатос-центрация, которая переходит в танатос-влечение. На этом фоне рождаются и развиваются суицидальные намерения, что в свою очередь инициирует и активизирует суицидальные действия. Исходом реализованных суицидальных действий является самоуничтожение. Рассмотрим его подробнее.

Центральную часть психической жизни человека составляет представление о мире и о себе в нем. Поэтому изучение природы суицида должно учитывать широкий контекст мировосприятия, в центре которого лежит сам акт смерти, а вокруг него – многочисленные факты сознательного или бессознательного пренебрежения жизнью [3].

Жизнь становится непереносимой при отсутствии цели, для которой стоило бы жить и которую стоило бы добиваться. Если человек плохо понимает, для чего он живет, то он не способен наслаждаться жизнью, противодействовать жизненным

трудностям, стремиться к самореализации и добиваться осуществления задуманного. Утрата смысла жизни, надежд и целей сопровождается ощущением внутренней пустоты: возникают тяжелые, мучительные переживания, которые быстро перерастают в чувство бесперспективности. В этой критической точке дезадаптация и конфликт (как внешний, так и внутренний) могут с высокой вероятностью перейти в суицидальную фазу, в ходе которой принимается решение о самоустранении как единственном способе разрешения противоречий и ликвидации тревожащих факторов.

Размышления о смысле жизни связывают с возрастом зрелого человека. А каким образом экзистенциальная проблематика касается подростков? Интерес к этой проблеме понятен, ведь подростковый возраст является сложнейшим периодом в жизни человека, так как связан с серьезной перестройкой детского организма – половым созреванием. В социальном и эмоциональном отношениях созревание подростков включает в себе новые пути оценки мира и своего отношения к нему. Подростки стремятся придумывать идеальные семьи, религии, философские системы, общественные устройства, а потом сравнивать и сопоставлять задуманное с весьма несовершенными личностями и организациями, знания о которых они почерпнули из собственного ограниченного опыта.

Отрочество – период социального самоопределения, имеющего, в частности, и философское измерение: в это время подросток изобретает собственные концепции жизнедеятельности и жизнотворчества. В этом возрасте усвоение любой информации происходит быстро и достраивается без каких-либо затруднений. Достраивается, доопределяется по своим философски наивным, но значимым принципам. Подростковый возраст становится временем проявления мыслей, идей и взглядов о социальном пространстве, современной картине мира и ее наполнении. Это очень важный момент с точки зрения накопления опыта, аккумуляции знаний, позиционирования подростком себя и своей ментальной витальности.

Уязвимость подростков для стрессов, сопровождающих резкие социальные политические и технологические изменения, может серьезно препятствовать развитию личного жизнотворчества. Подобные изменения в совокупности с современным информационным взрывом способствуют возникновению чувства неопределенности, тревоги и разрыва связей с миром. Если принять во внимание нарастающее отчуждение между взрослыми и детьми, которые с одной стороны, существенно повзрослели, с другой – продолжают быть социально инфантильными по ряду параметров, то можно не сомневаться, что ментальный крен в сторону экзистенциального вакуума не заставит себя долго ждать.

В подростковом возрасте демонстрация социальных потенций мысли – новая, интригующая возможность заявить о себе, проявить свою особость, значимость, доказать свою принадлежность Homo sapiens, утвердить свою независимость и самостоятельность. Важную роль здесь играют вопросы жизни и смерти, преступления и наказания, смысла существования, соотношения стратегических целей, тактических ходов и взглядов на жизнь. Попытка самостоятельно найти ответы на эти вопросы порой порождает ментальную сумятицу [26].

Из эссе Р.В., 16 лет¹.

«...Итак, познающий субъект (человек) имеет в своем распоряжении науки, носящие условно (в представлении человека) названия «гуманитарные» (поэзия, философия, музыка, живопись, литература и т.д.) и «естественные» (физика, алгебра, химия и т.д.). По какому пути познания мира пойти человеку, какую область человеческого знания избрать ему: область гуманитарных или естественных наук? Здесь я попытаюсь прибегнуть к сравнению между ними, к сравнению, краеугольным камнем которого является ЧЕЛОВЕК, воплощающий в себе СВОБОДУ, полную духовную свободу, цель которой я вижу в ТВОРЧЕСТВЕ, т.к. творчество олицетворяет собой человека, то, насколько он реализуется в творчестве и будет называться «Человек».

Тут я перехожу к сравнению между гуманитарными и естественными науками, может быть, грубо, что продиктовано написанием сжатым, в котором начисто отсутствуют плавность и обобщенность, свойственные хорошо подготовленным работам.

На мой взгляд, естественные науки своей целью преследуют «познание мира», цель которого заключается в приспособленности человека к нему. Это науки РАБСТВА, закон которых гласит: «Природа природой побеждается!». В познании мира начисто исчерпываются они, в них нет СВОБОДЫ. Свободы, которую ищет и жаждет человек. Согласитесь, ведь не могут же они заявлять то, чего нет?

Я предполагаю, что человек отчасти утратил свои инстинкты, а именно ЖИЗНЬ ПО ИНСТИНКТУ, а стал ЖИТЬ ПО ОБРАЗУ, в отличие от пчелы. Труд же, да труд – проклятье! И ни в коей мере не смешивайте с ТВОРЧЕСТВОМ. Творчество – это ЧЕЛОВЕК!!! САМ ЧЕЛОВЕК! Науки же естественные – это проклятье, необходимость, если угодно, труд! Но не творчество.

Теперь я обращусь к своему духовному опыту, опыту любви. Примерно с 7-го класса (посмеемся!) я занялся экспериментами в этой области и через два года обнаружил жутко поразивший меня «закон», гласящий: «Любовь есть иллюзия!» Я стал скептиком и циником и отчасти ушел в унылый пессимизм Шопенгауэра, смысл которого подобно индийской мистике гласит: «Сила человека состоит в его медленном затухании, цель которого – смерть!» Итак, Я был уничтожен, у меня убрали свободу, у меня убрали жизнь. Да, я мог жить РАБОМ, не открывать этот закон, не поднимать головы выше иллюзии, слепота которой позволила бы мне не видеть эту проблему. Но Я – ЧЕЛОВЕК, Я освобожден от инстинкта, я увидел то, что лежит за ним. Философия же помогла преодолеть мне и это. Гуманитарные науки – это сила, сила огромная и колоссальная, перед которой нет преград. Не буду развивать здесь, как это мне помогло! Но теперь в любви Я вижу любовь, любовь совершенно другую, абсолютно ничего общего не имеющую с той, которую представляют себе почти все люди. Я ушел дальше, потому что Я – человек! Здесь

¹ Текст, выделения и оформление приводятся в полном соответствии с первоисточником.

я остановлюсь, это тема для другого разговора. Надеюсь, я точно показал разницу между ГУМАНИТАРНЫМИ науками, воплощающими в себе человека, свободу, любовь, и ЕСТЕСТВЕННЫМИ, воплощающими РАБСТВО»².

На этом этапе тяжелые переживания, связанные с наивностью и многозначностью детского философствования, решительным поиском подростком смысла жизни, признанием себя как личности и индивидуальности, могут перейти в состояние депрессии, которая в свою очередь создает условия для возникновения суицидальных намерений.

Суицидальное поведение подростков может объясняться тем, что они, не обладая нужной резистентностью и не имея достаточного жизненного опыта, не могут правильно определить цель своей жизни и пути ее достижения [31]. В фокусе их сознания главенствующей может оказываться танатос-центрация.

Танатос-центрация понимается как смещение внимания с динамики жизни на статику смерти. Словарное толкование центрации (от лат. «centrum» – центр круга, средоточие) основывается на ее понимании как явления, обеспечивающего адекватное и устойчивое состояние индивида. Ж. Пиаже трактовал ее как ментальную

и перцептивную фиксацию на воспринимаемом объекте [15]. Когнитивисты (В. Кёлер, М. Вертгеймер, С. Аш) установили, что поле восприятия как бы расширяется в зоне фокуса внимания при одновременном сжатии и некотором искажении периферийной части поля. Центрация, по сути, – аналог психологически обусловленной фокусировки, субъективной фиксации [29]. Относительно танатос-центрации можно утверждать, что под действием непреодолимых (или кажущихся таковыми) обстоятельств человек начинает фокусироваться на теме смерти. Бытийная и витальная аксиология утрачивает свое значение, оказывается на периферии сознания. Далее следует развитие интереса к самому акту смерти, возникает танатос-влечение – безудержная тяга ко всему, что связано со смертью, которая быстро перерастает в одержимость. Смерть приобретает нравственно-ценностный смысл [11].

На этом фоне осуществляется выбор в пользу смерти. Отношение к смерти и жизни – это важная личностная характеристика, отражающая мировосприятие личности, ее эмоциональную включенность в действительность [5].

Когда обстоятельствами управляет человек, он выбирает жизнь. Когда обстоятельства управляют человеком, подавляют его волю, разрушают психику и искажают его натуру, происходит отказ от жизни. Человек выбирает смерть. У него возникает замысел самоуничтожения как активной формы проявления суицидальности, оформляются и конкретизируются суицидальные намерения, которые предполагают присоединение к замыслу волевого компонента, побуждающего к непосредственному переходу во внешнее поведение [1]. Затем

---

² Р.В. покончил жизнь самоубийством в 17 лет. Он вышел на балкон квартиры (14-й этаж), в которой проживала его семья, и прыгнул вниз. Родители сидели в соседней комнате.

начинается этап реальных действий. Человек начинает серьезно готовиться к самоубийству и в завершенном варианте реализует самоуничтожение.

С самим субъектом происходят ряд психологических изменений. Сначала наблюдается эго-центрация. Человек фокусируется на самом себе, осуществляет нескончаемую саморефлексию. Дж. Эшер пишет, что нельзя сбежать от себя. Невозможно одновременно взять и выключить себя [32]. Человек с роящимися в голове мыслями постоянно занимается самокопанием, неоднократно впадая в крайности самооценивания.

Эти два процесса – эго- и танатос-центрации – перемешиваются и смыкаются. Происходит исключение всех и всего, образуется узкий ментальный «коридор», в котором ключевые позиции занимает тематика «Я и Смерть». При снижении значимости окружающего мира и обесценивании человеческих (профессиональных, дружеских, родственных) контактов возникает ощущение своего всевластия (над собой, своей жизнью, ее началом и концом). Кроме того, в подростковом возрасте возрастает интерес к позиции жертвы суицида как решительной и желанной, а образ суицидента (т.е. себя) воспринимается как образ мученика, окруженного ореолом таинственности [12]. Однако контекст этих репрезентаций может составлять крайне тяжелый случай проявления аутоагрессии [21]. Завершается это запутанный процесс обдумывания самоубийства исключением себя как бытийной единицы. Эмоциональная нестабильность, которая часто приводит к суициду, в настоящее время считается вариантом возрастного кризиса почти у четверти здоровых подростков [4]. При этом смешение эго-восприятия и танатос-центрации остается вне поля исследовательских интересов.

Для формирования программ профилактики суицидального поведения важным является определение предикторов и превенторов его появления [13]. В связи с этим уместно обратить внимание на индивидуально личностные (агрессивность, нейротизм, тревожность и др.) характеристики и ментально-рефлективные особенности (сознательные и подсознательные установки, отношение к смерти) подростков, сопряженные с потенциально высоким риском суицидального поведения. Среди аспектов, порождающих суицидальные интенции, называют ярость, гнев, тревожность и зависимость [17]. Для достижения поставленной цели и проверки выдвинутых гипотез нами было проведено эмпирическое исследование.

Процедура и методы исследования

С целью выявления и изучения подростков с суицидальными тенденциями были использованы *методики*, позволяющие изучить внешние и внутренние факторы возникновения таких тенденций:

- адаптированный подростковый опросник К. Леонгарда и Х. Шмишека (для определения акцентуации характера подростка);
- Карта риска суицида (в модификации Л.Б. Шнейдер);

- Опросник агрессивности Басса–Дарки для диагностики общего уровня агрессивности и враждебности личности;
- опросник на выявление уровня личной и ситуативной (реактивной) тревожности Спилбергера;
- проективная методика «Ваши мысли о смерти» З. Королевой, позволяющая выявить отношение к смерти у респондентов;
- проективная методика «Ваши суицидальные наклонности» З. Королевой, направленная на выявление подсознательных мотивов и суицидальных наклонностей;
- опросник Г. Айзенка для изучения индивидуально-психологических свойств личности;
- методика М. Куна и Т. Мак-Партленда «Кто Я».

Выборка. К участию в исследовании было привлечено 642 подростка, обучающихся в старших классах московских школ. Из них – 338 человек женского пола, и 304 человека – мужского пола. Возраст респондентов $15,2 \pm 0,7$. К участию в исследовании привлечены также родители подростков общей численностью 50 человек. Персональное соответствие родитель–ребенок не устанавливалось, поскольку выборка формировалась произвольно на условиях добровольности и анонимности.³

Результаты и их обсуждение

Перед началом исследования был проведен опрос, направленный на выявление у подростков признаков суицидального поведения: выяснялось наличие определенных мыслей, фантазий, желаний и действий. Обсуждение, проводимое в давно установленной и широко распространенной деликатной манере и сочувственной форме [33], касалось следующих трех вопросов.

Возникла ли (и почему) у Вас когда-нибудь мысль покончить с собой? На двойственный по своей природе вопрос (о констатации факта и его причины) допускался и развернутый (с описанием причин), и сокращенный ответы. Все ответы в целом были поделены на два блока: подтверждающие факт подобного рода размышлений и отрицающие («нет, ничего подобного мне не приходило в голову» и т.п.).

Обдумывали ли Вы эту мысль (и способ самоубийства) серьезно? Развернутый ответ подростков на этот вопрос с пояснением и аргументацией своей позиции

---

³ В организации лонгитюдного эмпирического исследования, сборе данных и обработке результатов принимали участие студенты МПГУ О. Китова и Н. Сургучева.

предполагалось рассматривать как серьезное обдумывание. Ответы с отрицанием, уходом от него («не больше, чем другие» и пр.) к подобным не причислялись.

Совершали ли вы когда-нибудь реальную попытку покончить с собой?
Засчитывались ответы, в которых утверждалось, что такая попытка имела место.

Результаты опроса показали, что 231 респондент отвечает положительно на тот или иной вопрос (даже если это был ответ только на первый вопрос). Это означает, что у трети подростков обнаружена некоторая (ментальная или физическая) склонность к суицидальному поведению. Данная группа с суицидально-ориентированными ответами была нами обозначена как группа 1. Остальные 411 человек с суицидально-неориентированными ответами составили группу 2. В нее вошли подростки, у которых в поведении отсутствовали суицидальные тенденции. Большую часть (77%) группы 1 с суицидально-ориентированными ответами составили девочки (177 человек) и меньшую – мальчики (54 человека). Распределение ответов среди респондентов первой группы отражено в таблице 1.

Таблица 1

Распределение суицидально-ориентированных ответов по возрастам (%)

возраст	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет
кол-во ответов	28	29	33	10

Как видно из таблицы 1, в возрасте от 14 до 16 лет суицидальные тенденции обнаруживаются почти у трети подростков, затем следует резкий спад, т.е. происходит их ослабление и угасание. В 17 лет уже меньшее число молодых людей и девушек рассматривает поведение, направленное на самоуничтожение, как приемлемый выход из сложившейся патовой ситуации.

Иначе складывается картина суицидальных тенденций в зависимости от половой принадлежности. У девушек с возрастом наблюдается рост выбора суицидально-ориентированных ответов (до 34%), затем происходит их резкое снижение (до 6% в 17 лет). У юношей в выборе такого рода ответов наблюдается большее колебание, но в целом картина суицидальных тенденций достаточно стабильна, к 16-17 годам возрастает и практически не изменяется (30% и 28% соответственно). Распределение результатов данной группы по полу представлено в таблице 2.

92% девушек присущи суицидальные мысли. В абсолютных значениях число юношей и девушек 14–16 лет, предпринимавших попытку суицида практически равное ($10,0 \pm 1,1$). Однако к 17 годам количество таких попыток у девушек фиксируется по полученным данным на уровне 4 случаев, а у юношей – 9.

Исходя из полученных данных, подростковый возраст и переход к юношескому этапу можно считать периодом риска с точки зрения формирования и реализации суицидальных намерений.

Таблица 2

Распределение подростков группы с суицидально-ориентированными ответами по степени выраженности суицидального поведения (%)

Подростки, имевшие суицидальные мысли, намерения (вопросы № 1-2)		Подростки, реально пытавшиеся совершить суицидальную попытку (вопрос № 3)	
Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
70	92	30	8

Среди опрашиваемых респондентов 64% ответили отрицательно на все три вопроса, что свидетельствует об отсутствии у них суицидальных тенденций поведения. Мы отнесли их к группе респондентов с низким уровнем суицидальных склонностей, т.к. центрация на акте самоуничтожения отсутствовала. 5% подростков из всей выборки прибегали к суицидальной попытке. В данном случае можно говорить о высокой степени риска суицида. 31% подростков так или иначе размышляли о суициде, взвешивали все «за» и «против», фантазировали на эту тему. Здесь уместно вести речь о среднем уровне риска суицида.

А что думают родители о суицидальном риске у своих детей? Может, с их точки зрения все выглядит благополучнее? Тестирование проводилось с родителями анонимно, в групповой форме, в разные дни с использованием методики «Карта риска суицида». На основе этой методики выделены основные факторы суицидального риска (биографические данные, наличие конфликтов, характеристики личности) и три уровня рискованного поведения (высокий, средний и низкий).

В соответствии с полученными данными 23% родителей указывают на высокий уровень склонности подростков к суициду. 25% родителей считают, что риск совершения суицида у подростков присутствует в средней степени. 52% родителей склоняются к мнению, что риск суицида у подростков не значителен. Таким образом, ответы, полученные при опросе подростков, и результаты, полученные на родительской выборке, достаточно близки и не противоречат друг другу. Наряду с этим родители несколько преувеличивают суицидальные риски в поведении своих детей. Вероятно, они часто слышат от своих детей о намерении покончить с собой. К такой угрозе подростки склонны прибегать с целью шантажа, добиваясь от родителей нужного им действия (отпустить куда-нибудь, купить что-либо, уступить в чем-то и пр.). Это можно обозначить как «манипуляция суицидом».

Качественный анализ полученных от подростков ответов на предложенные вопросы показывает, что среди причин размышлений по поводу самоубийства наиболее часто упоминается нежелание жить и отсутствие смысла жизни. Подростки немало размышляют о смерти, философствуют на тему бренности бытия и своего жизненного предназначения. Они недовольны межличностными отношениями («Близкие люди приносят с собой только крик и боль», «Мне так не

хватает понимания в семье...», «Мое окружение – это кладбище, заполненное могилами. Оно несет мне смерть, печаль, страдания и одиночество»), напуганы необходимостью надвигающейся профессионализации («Карьера представляется мне блужданием по лабиринту с последующей катастрофой и разрушением»).

Возрастная картина суицидального риска в подростковом возрасте с позиций родителей и детей выглядит следующим образом. Наибольший пик суицидального риска по ответам подростков наблюдается в возрасте 15-16 лет и спадает к 17 годам. Родительская обеспокоенность также связана, главным образом, с возрастом детей в 15-16 лет. В целом их оценка риска детского суицида гораздо выше и носит более устойчивый характер. По-видимому, шантажные манипуляции подростков с возрастом идут на убыль, но возникшая родительская обеспокоенность так просто не исчезает. Особенно отчетливо это выражено у родителей мальчиков.

Данные, полученные от родителей по Карте риска суицида, позволили выделить особенности факторов риска в подростковом возрасте (рис. 1).

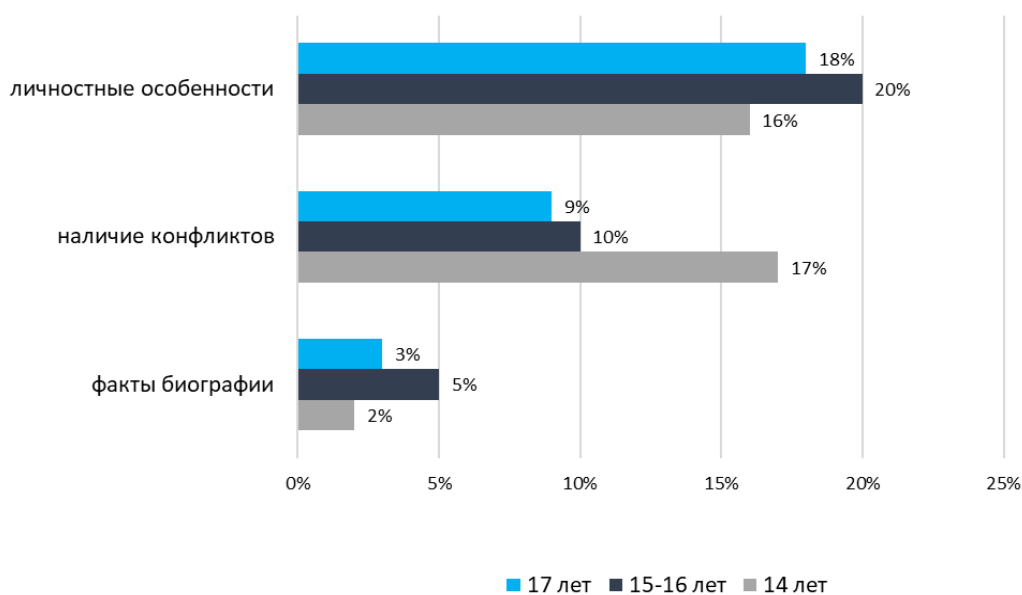

Рис. 1. Возрастно-специфические факторы суицидального риска, выделенные родителями

Как видно из рис. 1, родители связывают риск суицида преимущественно с личностными особенностями детей. Конфликтам как фактору, провоцирующему суицидальные риски, они уделяют меньшее внимание. В биографических данных родители не усматривают особой опасности. Вероятно, имеет место типовая ошибка атрибуции, когда личностные аспекты поведения преувеличиваются, а ситуативные преуменьшаются.

Для выявления возрастных различий в факторах суицидального риска был использован критерий Краскела–Уоллиса (табл. 3).

Таблица 3

Статистический анализ возрастных факторов риска суицида

Факторы риска	Возраст		
	14 лет	15-16 лет	17 лет
Биографический	0,133	0,217	0,143
Конфликты	0,041*	0,132	0,216
Личностные особенности	1,232	0,153	0,183

Примечание: * – различия значимы при $p \leq 0,05$.

Достоверные различия были обнаружены по фактору «конфликты»: для 14-летних подростков они играют более значимую роль в формировании суицидального риска по сравнению с другими возрастными группами.

Для выявления статистически значимых различий среди респондентов всей выборки подростков 14–17 лет по гендерному признаку был использован критерий Манна–Уитни (табл. 4). Выявлено, что наличие конфликтов для юношей является значимым фактором в формировании суицидального риска ($U=320$ при $p \leq 0,05$).

Таблица 4

Математический анализ гендерных факторов риска суицида

Факторы риска	U	p
Биографический	254	0,143
Конфликты	320*	0,05
Личностные особенности	165	0,318

Примечание: * – различия значимы при $p \leq 0,05$.

Какие же личностные особенности провоцируют риск суицида?

Мы предположили, что поскольку суицид – акт аутоагрессии, то существенную роль должна играть агрессивность личности. Поэтому мы изучили интенсивность агрессивных паттернов поведения у подростков с разным уровнем суицидального риска (табл. 5).

У подростков с высоким уровнем суицидального риска повышены практически все показатели агрессивного поведения, кроме подозрительности. На наш взгляд, при выявлении индивидуально-типологических свойств личности важно обратить внимание на показатель нейротизма. Его высокий уровень установлен у 81% респондентов с суицидально-ориентированными ответами. Это заставляет предположить, что подростки совершают поступки суицидального рода и

обдумывают различные формы самоубийства в состоянии истощения нервной системы.

Таблица 5

Особенности агрессивности подростков с разным уровнем суицидального риска

Агрессивные проявления	Уровни проявлений суицидального риска		
	низкий	средний	высокий
Физическая агрессия	5,6	6,9	8,3
Косвенная агрессия	3,4	3,9	4,5
Раздражение	4,2	5,5	7,1
Негативизм	3,1	3,7	4,8
Обида	3,2	4,3	4,6
Подозрительность	3,7	3,8	3,8
Вербальная агрессия	4,2	5,3	5,9
Чувство вины	3,2	3,5	4,8
Агрессивность	16,3	18,9	21,4
Враждебность	6,3	7,7	9,8

Показатели по уровню нейротизма исследовались и в группе без суицидальных тенденций. Сравнивая полученные данные, мы обнаружили, что число респондентов (16 и 17 лет) с суицидально-ориентированными ответами по критерию Фишера, равному соответственно 4,92 и 2,73 при $p \leq 0,01$ статистически значимо преобладает над числом респондентов с суицидально-неориентированными ответами.

При анализе данных по результатам опросника Леонгарда–Шмишека все показатели по типам акцентуации были нами разделены на высокие, средние и низкие. Полученные данные свидетельствуют, что у большинства респондентов с суицидально-ориентированными ответами высокий уровень выраженности акцентуаций обнаружен по циклотимическому (82%), эмотивному (73%), возбудимому (65%) и экзальтированному (63%) типам акцентуаций.

Корреляционный анализ показателей реактивной тревожности и типов акцентуаций, проведенный с учетом возраста позволяет констатировать следующее: у 15-летних респондентов выявлены положительные корреляции между циклотимической ($r=0,29$ при $p \leq 0,01$), дистимической ($r=0,30$ при $p \leq 0,01$) типами акцентуаций и ситуативной тревожностью. Среди данных подростков 14, 16 и 17 лет значимых корреляционных связей не выявлено. Корреляционный анализ показателей личностной тревожности и типов акцентуаций, проведенный с учетом возраста позволяет констатировать следующее: у подростков 14 лет статистически

значимая взаимосвязь между личностной тревожностью и типами акцентуации не выявлена. В группе 15-летних подростков положительная корреляция установлена между личностной тревожностью и застревающим ($r=0,28$ при $p\leq 0,01$), а также возбудимым ($r=0,3$ при $p\leq 0,01$) типами акцентуаций, что проявляется в соответственном увеличении внутреннего напряжения и внешней непредсказуемости поведения либо, наоборот, его ригидности [14]. Таким образом, в 15 лет характерологические особенности подростков вносят существенный вклад в суицидальные риски.

Между тем обращает на себя внимание тот факт, что в 17 лет связь между внутренним состоянием и личностной тревожностью приобретает обратно пропорциональный характер. Возможно, личностная тревожность начинает зависеть от ситуативного контекста. Реактивная тревожность также не является определяющей для внутреннего состояния 17-летних подростков. По-видимому, с переходом к юношескому возрасту эмоциональная жизнь юношей и девушек упорядочивается, внутренние противоречия сглаживаются, и возникает более осмысленное отношение к происходящему. Это означает, что суицидальный риск перестает определяться эмоциональным настроением, решающую роль начинают играть ментальные конструкты молодого человека. В связи с этим рассмотрим результаты проективных методик.

Отношение к смерти (танатос-центрация)

Французский историк Ф. Арьес выделяет пять главных этапов в изменении установок по отношению к смерти: неизбежность смерти, индивидуализация смерти, смерть в координатах времени, потеря близкого и любимого человека, технологизация смерти [2]. Представление о смерти у современного российского человека по данным наших исследований выражается в образах, отнесенных к той или иной стадии по Ф. Арьесу [28]. На взрослой выборке обнаруживается, что смерть, по мнению современников, «взрывает» смыслы и хронотопы бытия. А что же у подростков? Каковы их представления? Полученные с помощью методики «Ваши мысли о смерти» результаты подростков отображены в табл. 6.

У подростков не сформирована четкая танатос-центрация, поэтому нельзя выделить доминирующего отношения к смерти. Условное большинство (30% респондентов) не центрируется на ней. Можно предположить, что смерть пугает подростков, мысли о ней им неприятны, возможно, они вообще не задумываются о том, что такое смерть и т.д. 25% подростков к мыслям о смерти относятся болезненно, ее неизбежность пугает их. Рациональное отношение к смерти как к удаленной неотвратимости и необратимости сформировано лишь у 20% подростков. Еще 15% респондентов демонстрируют к ней фамильярное отношение. Эти респонденты воспринимают смерть не как завершение земной жизни, исход, а как возможность усложненной трансформации. Более того, в отдельных случаях она обнаруживается как крайний вариант экстремальности. Об этом свидетельствует, например, следующее высказывание юноши А., 16 лет: «Смерть – единственный опасный соперник, достойный внимания в этой жизни». За этим угадывается не печаль расставания с жизнью, горечь небытия, а некий азарт. 5% подростков

одержимы мыслью о смерти, 5% респондентов думают о ней постоянно. По-видимому, здесь уже проявляется не просто центрация, а интерес и даже влечение к смерти.

Таблица 6

Отношение к смерти у подростков

Виды отношения	Количество выборов (%)
избегание мыслей о смерти	30
рациональное отношение к смерти	20
болезненное отношение к смерти, страх	25
одержимость мыслью о смерти	5
частые пессимистические размышления о смерти	5
фамильярное отношение к смерти	15

Далее мы рассмотрели, как меняется отношение к смерти у подростков в зависимости от возраста. Избегание мыслей о смерти у подростков с возрастом снижается: с 32% у 14-летних подростков до 20% у подростков 15-16 и 17 лет. Выявлена устойчивая возрастная динамика рационального отношения к смерти: в 14 лет оно сформировано у 24% подростков, в 15-16 лет – у 28%, в 17 лет – у 34% респондентов. Также выявлено, что с возрастом снижается болезненное отношение к смерти: с 32% у 14-летних подростков до 24% у 15-16 летних и 21% у 17-летних. Пик одержимости мыслью о смерти приходится на 15-16 лет, в остальных возрастных группах такого не выявлено. С возрастом растет количество пессимистических размышлений о смерти: от 0% среди 14-летних до 13% среди 17-летних. Фамильярное отношение к смерти не меняется с возрастом, оно устойчиво сохраняется на уровне 12% среди подростков всех возрастных групп.

Установлено, что существуют достоверные различия ($U=379$ при $p \leq 0,05$) в избегании мыслей о смерти, рациональном и болезненном отношении к ней. С возрастом эти типы отношений меняются, формируется понимание смерти как неизбежности и необратимости.

Особенности отношения к смерти зависят от половой принадлежности респондентов: юноши чаще избегают мыслей о смерти по сравнению с девушками, у них сильнее выражено болезненное отношение к ней. Одержимость мыслью о смерти обнаруживается только у юношей, частые пессимистические размышления и оригинальное отношение к ней – только у девушек. Уровень рационального отношения к смерти практически равен у юношей и у девушек.

Далее рассмотрены особенности отношения к смерти в зависимости от уровня суицидального риска (табл. 7). У подростков с высоким риском суицида выражено болезненное отношение к смерти, избегание мыслей о ней. Наряду с этим

присутствуют одержимость мыслью о смерти, частые пессимистические размышления и фамильярное отношение к ней. Рациональное отношение к смерти у них не сформировано. У подростков со средним уровнем суицидального риска доминирует избегание мыслей о смерти, присутствует болезненное отношение к ней, но уже представлено и рациональное отношение. У подростков с низким уровнем суицидального риска сформировано рациональное отношение к смерти, в меньшей степени встречается избегание мыслей о смерти, отдельные подростки относятся к смерти болезненно.

Таблица 7

Отношение к смерти и риск суицида

Виды отношения к смерти	Количество выборов при разных уровнях риска суицида (%)		
	высокий	средний	низкий
избегание мыслей о смерти	35	45	30
рациональное отношение к смерти	0	30	58
болезненное отношение к смерти	40	25	12
одержимость мыслью о смерти	5	0	0
частые пессимистические размышления о смерти	5	0	0
фамильярное отношение к смерти	15	0	0

Далее рассмотрим результаты методики «Ваши суицидальные мысли», позволяющей выявить установки на суицид и определить вероятность его совершения. Результаты в общей выборке представлены в табл. 8.

Таблица 8

Спектр суицидальных мыслей подростков

Суицидально-ориентированные мысли	Количество выборов (%)
тревожность без склонности к суициду	15
резко отрицательное отношение, отсутствие склонности	20
небольшая склонность	25
ранимость, суицидальный риск	10
манипуляция суицидом	20
подсознательное стремление к смерти	10

Как можно видеть по данным из таблицы 8, у 20% подростков сформировано резко отрицательное отношение к суициду, склонность к самоубийству у них отсутствует. 15% подростков испытывают тревожность, угнетенное эмоциональное состояние, но также не думают о суициде. 25% подростков могут думать о суициде только в определенных условиях, когда обнаруживается сильный стресс, серьезная психологическая травма и т.д. Поэтому их также можно отнести к лицам, условно не склонным к суициду. 20% подростков готовы использовать демонстративный суицид как средство манипуляции окружающими. 10% подростков ранимы и в силу этого склонны к суициду, сдерживающим фактором являются эмоциональные связи с близкими людьми. Еще 10% подростков имеют подсознательное влечение к смерти, они не совершают открытых суицидов, но могут быть склонны к экстремальному и рисковому поведению.

Суицидальные установки подростков в зависимости от пола характеризуется следующим образом. У девушек выше показатели тревожности без суицидальных мыслей ($U=319$ при $p \leq 0,05$), более выражено резко отрицательное отношение к суициду ($U=359$ при $p \leq 0,01$), более характерны установки на манипуляции суицидом ($U=339$ при $p \leq 0,01$).

Эго-восприятие

Эго-восприятие выявлялось с использованием методики «Кто Я?». Полученные от каждого респондента 20 ответов, классифицировались по трем критериям, выделенным Шнейдер Л.Б. [27]:

- объектность (кто?);
- функциональность (что делает?);
- эмоциональность (какой?).

Наиболее характерные результаты самоописания 10 рандомных респондентов представлены в табл. 9.

Результат теста показывает, что критерии распределены неравномерно: наиболее полно проявляется эмоциональная сфера (59%), наименее – функциональная (16%). Сфера объектной представленности в самописаниях составляет 25%.

Рисуночная проба «Мое прошлое, настоящее, будущее» показала туманность представлений о будущем, некоторую невротичность и тревожность в настоящем, относительную гармонию либо травмирующие переживания в прошлом. Бросается в глаза статичность образов и их иррациональность. У старшеклассницы Д.Е. на рисунке настоящее находится внизу листа, а прошлое наносит в него «удар потрясающей силы» (манифестация психологической проблемы). Будущее находится за широкой полосой (создается впечатление, что оно как бы отрезано от Е., туда попасть трудно, тяжело). У С.М. связь между настоящим и будущим опосредована прошлым.

Таблица 9

Наиболее характерные примеры самовосприятия

Объектность (Кто?)	Функциональность (Что делает?)	Эмоциональность (Какой?)
ничто; личность; дьявол; некто; пламя; человек; бог; время	мыслит, ищет, суетится, опаздывает	беспомощный; таинственный; боящийся; надеющийся; верящий; одинокий; душевный
часть человечества; судьба; огонь; мир	смотрит на себя изнутри; силится выйти; рвется; мечтает двигаться	мягкий; целеустремленный; маленький (незначительный); теплый
человек; актер	любит; иногда идет на самопожертвование, выполняет обещания	боящийся; неуверенный; везучий; любящий безумно; обидчивый; щедрый; одинокий; не совсем пунктуальный
волк-одиночка; бабник; мыслитель; пепел по ветру; друг; враг; атеист	бежит, стучит, скулит	одинокий; коварный; хитрый; любящий; чувственный; веселый; страдающий; циничный; жадный
никто; все; искатель; вечный путешественник; личность	кричит; плачет; забывает; никогда не придет	живой; ищущий; сравнивающий
жизнь; особь	движется; рвется	теплый; одинокий; нетерпимый
брат всему человечеству; клоун; песчинка в мире; жертва; человек, рожденный не тогда, когда надо и не там, где следовало бы	хочет стать лучшим в каком- нибудь деле; жаждет успеха и признания	любящий; неуверенный; до одурения щедрый; боящийся обидеть, совершить ошибку; очень скрытный и чуть-чуть ленивый; имеющий внутреннюю тайную жизнь; иногда завистливый
человек; мечтательница; девушка; зайка; цветочек; дите; гонщица; змеюка подколотая; лентяйка; я	хочет все время чего-то большого	двуличная; милая, загадочная; гадкая; наивная, безвольная; неуверенная; несамостоятельная
человек; почти сформировавшаяся личность; герой; игрок; россиянин	хочет овладеть хорошей профессией; хочет чего-то добиться; не желающий заканчивать школу; хочет казаться взрослым; не заканчивая одно, переходит к другому	немного ленивый; неглупый; общительный; здоровый; классный
трусиха; лягушка- путешественница; подхалимка; лентяйка; обжора; сладкоежка	тянется к чему-то большому; любит живое; иногда занимается спортом	неопытная; добрая; мечтательная; сентиментальная; часто злая; милая; неуверенная; просто такая же, как все; боящаяся сделать больно

На рис. 6 приведено одно из показательных изображений подростка с суицидально-ориентированными ответами.

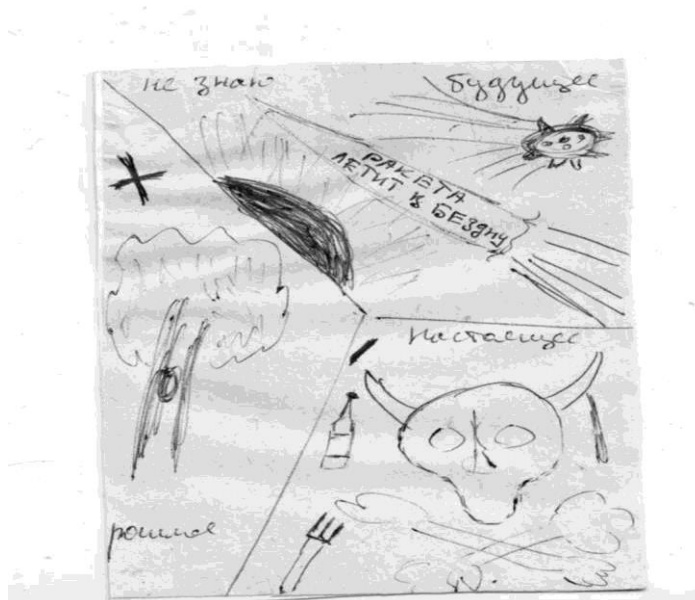

Рис. 2. Изображение прошлого, настоящего и будущего одним из подростков, потенциально ориентированного на суицид

Значение эго-восприятия очень велико, особенно в старшем подростковом и юношеском возрастах в связи с насущной необходимостью строить планы на будущее, создание которых невозможно без фантазии. Напрашивается предположение о связи неадекватных самоописаний старшеклассников с трудностями построения конструктивного будущего – они подпитывают друг друга. Преобладание в структуре личности искаженного эго-восприятия, нереальных представлений о себе, переполненных эмоциями и не подкрепляемых деятельностью (низкая функциональность), способствующей осуществлению желаемого, дезорганизует самосознание человека и может жестоко травмировать его. В итоговом варианте это может приводить к суицидальным намерениям.

Выводы

Результаты проведенного эмпирического исследования показали, что:

1) старший подростковый возраст является возрастом риска с точки зрения формирования и реализации суицидальных намерений, среди причинных факторов, по мнению родителей, значительная роль принадлежит конфликтам и личностным особенностям; по мнению подростков, суицидальные намерения возникают в связи с субъективной невозможностью продолжения жизни;

2) существует взаимосвязь между индивидуально-психологическими особенностями личности и формированием суицидальных форм поведения в подростковом и юношеском возрасте;

3) риски суицидального поведения в старшем подростковом возрасте различаются в зависимости от:

- пола: у мальчиков они носят характер суицидальных действий, у девочек – суицидальных намерений;
- ментально-рефлексивных особенностей: спектра суицидальных мыслей, отношения к смерти, размышлений и представлений о ней (танатос-центрация);
- от возраста: к завершению старшего подросткового возраста (17 лет) риск суицида снижается, но сами намерения по сознательному, добровольному прекращению жизни могут принимать более выраженный и стойкий характер;
- от личностных особенностей: агрессивности и нейротизма, по-разному проявляющихся у подростков;
- от специфики эго-восприятия: его эмоциональной, функциональной и объективной составляющих.

Таким образом, риск суицида и его распространенность вытекают из переживания подростками кризисов взросления, в основе которых лежат эго-центрация в вариантах нереального, главным образом, эмоционального восприятия себя, неудачные попытки отроческого философствования по поводу смысла жизни, отношения к смерти (танатос-центрация), трудности построения конструктивного будущего. Актуальность и распространенность проблемы суицидальных рисков свидетельствует о необходимости широкой программы обучения для всех специалистов, работающих с подростками в системе воспитания и образования.

Литература

1. Амбрумова А.Г., Бородин С.В., Михлин А.С. Предупреждение самоубийств. М.: изд-во Академии МВД СССР, 1980. 163 с.
2. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 528 с.
3. Бовина И.Б. Профилактика суицида в подростковой и молодежной среде: размышляя над опытом западных моделей // Психолого-педагогические исследования. 2013. № 2. С. 214–227.
4. Веселкова Е.А., Века Л.М. Психологические аспекты подросткового суицида: методическое пособие. Барнаул, 2015. 73 с.
5. Восковская Л.В. Склонность к суицидальному риску у лиц с разным отношением к смерти // Известия ТТИ ЮФУ. Тематический выпуск «Психология и педагогика». 2009. № 1. С. 133–139.

6. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийства и других «отклонений». СПб. 2014. 248 с.
7. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Просвещение, 2014. 375 с.
8. Ефремов В.С. Основы суицидологии: монография. СПб.: Диалект, 2014. 479 с.
9. Зиновьев С.В. Суицид: Попытка системного анализа. СПб.: СОТИС, 2012. 135 с.
10. Ишимбаева А.Н. Суицидальное поведение у детей и подростков Забайкальского края: автореф. диссер. ... канд. мед. наук. М., 2013. 24 с.
11. Карандашев В.Н. Жить без страха смерти. М.: Смысл; СПб.: Питер, 2005. 325 с.
12. Куликов А.В. Суицидальное поведение у детей и подростков с эндогенными заболеваниями // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2015. Т. 107. № 8. С. 15–23.
13. Кухаренко И.А., Рычкова М.В., Хасан Б.И. Методика исследования динамики риска аддиктивного поведения в подростковом возрасте (на примере наркозависимости) // Психологическая диагностика. 2015. № 3. С. 17–44.
14. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб.: изд-во НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2012. 256 с.
15. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. СПб.: Союз, 1997. 256с.
16. Погодин И.А. Суицидальное поведение: психологические аспекты. М.: изд-во МГУ, 2014. 330 с.
17. Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб.: Питер, 2006. 1006 с.
18. Пурич-Пейякович Й., Дуньич Д.Й. Самоубийство подростков. М.: Медицина, 2000. 168с.
19. Рахимкулова А.С., Розанов В.А. Суицидальность и склонность к риску у подростков: биопсихосоциальный синтез // Суицидология. 2013. Т. 4. № 2. С. 8–24.
20. Рейнгольд Дж. Мать, тревога и смерть. Комплекс трагической смерти.../ под ред. В.М. Астапова; пер. В.М. Астапова, И. Метлицкой. М.: Изд-во МПСУ, 2017. 352 с.
21. Солдаткин В.А., Дьяченко А.В., Меркурьева К.С. Исследование суицидологической и аддиктологической обстановки в студенческой среде г. Ростова-на-Дону // Суицидология. 2012. № 4. С. 60–64.
22. Тарасевич О.Н. Тенденции суицидального поведения современной российской молодежи // Вестник Иркутского Государственного Технического Университета. 2015. № 1. С. 213–215.

23. Ушакова Е.С. Суицидальный риск: социологический анализ: автореф. дисс. канд. социолог. наук. СПб., 2014. 23 с.
24. Фрейд З. Избранное. М.: АСТ ЛТД, 2015. 448 с.
25. Фромм Э. Во имя жизни // О любви к жизни, о смерти и о «тайнах иного бытия». Составитель Г.Г. Кириленко. М.: Знание, 1992. С. 8–27.
26. Шнейдер Л.Б. Молодежные субкультуры как формы экспериментального философствования молодых // Философия – Детям: Диалог культур и культура диалога: материалы III Международной научно-практической конференции. Под ред. С.И. Левиковой. М.: Гуманитарий, 2008. С. 140–143.
27. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления. Автореф. диссерт... докт. психол. н., М., 2001. 42с.
28. Шнейдер Л.Б. Смерть как ритуальное, профессиональное и материальное // Развитие личности. 2003. № 1. С. 78–97.
29. Шнейдер Л.Б. Центрация как ключевой момент в становлении идентичности // Сборник тезисов Международной научной конференции «Культурно-исторический подход: от Л.С. Выготского – к XXI веку». Под ред. Т.Д. Марцинковской, М.О. Резванцевой, В.Р. Орестовой. М.: изд-во РГГУ, 2017. С. 150–154.
30. Шнейдман Э.С. Душа самоубийцы. М.: Смысл, 2014. 315 с.
31. Эверелл Р.Д., Бостик К.Э., Паулсон Б.Л. Я устал быть собой: развитие темы юношеского суицида: дайджест // Психология обучения. 2012. № 3. С. 73–76.
32. Эшер Д. 13 причин «почему». М.: АСТ, 2017. 352 с.
33. Beck A.T., Kovacs M., Weissman A. Assessment of suicidal ideation: The scale for suicide ideation // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1979. Vol. 47. № 2. Pp. 343–352. doi:10.1037/0022-006x.47.2.343.
34. Eissler K.R. The psychiatrist and Dying Patient. New York: International Universities Press, 1955. P. 338.

Ego-Perception and Thanatos-Centration as Sources of Suicide in Adolescence

Shneyder L.B.,

Doctor in psychology, professor, head of the Department of family and childhood psychology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, lshnejder@yandex.ru

Surgucheva N.V.,

Master's student, Department of psychological anthropology, Moscow pedagogical state University; teacher-facilitator, State School № 1347, Moscow, Russia, nsurgucheva@rambler.ru

---

The article considers structural, processual and causal aspects of suicides. Problems of child philosophizing, specifics of adolescence in the context of suicide discussed. The concept of suicidal risk clarified and its diagnostic possibilities shown. Identified that according to parents opinion significant role belongs to conflicts and personality traits among causal factors of suicidal risk. According to adolescents, suicidal intentions are associated with the subjective impossibility to create satisfactory continuation of life. It has been found that suicidal risks and types of suicidal behavior in late adolescence differ depending on age, worldview, gender and personality traits.

Keywords: suicide, adolescent, parents, suicidal behavior, suicidal intentions, suicidal risk.

References

1. Ambrumova A.G., Borodin S.V., Mikhlin A.S. *Preduprezhdenie samoubiistv [Suicide Prevention]*. Moscow: Publ. of Akademiya MVD SSSR, 1980. 163 p.
2. Ar'es F. *Chelovek pered litsom smerti [Man in the face of death]*. Moscow: Progress, Progress-Akademiya, 1992. 528 p.
3. Bovina I.B. *Profilaktika suitsida v podrostkovoi i molodezhnoi srede: razmyshlyaya nad opytom zapadnykh modelei [Suicide Prevention in adolescent and youth environment: reflecting on the experience of Western models]. Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya [Psychological and pedagogical research]*, 2013, no. 2, pp. 214–227.

4. Veselkova E.A., Veka L.M. Psikhologicheskie aspekty podrozkovogo suitsida: metodicheskoe posobie [Century Psychological aspects of the adolescent suicide: a methodological guide]. Barnaul, 2015. p. 73.
5. Voskovskaya L.V. Sklonnost' k suitsidal'nomu risku u lits s raznym otnosheniem k smerti [Propensity to suicidal risk in persons with different attitudes to death]. *Izvestiya TTI YuFU. Tematicheskii vypusk «Psikhologiya i pedagogika» [Thematic issue "Psychology and pedagogy"]*, 2009, no. 1, pp. 133–139.
6. Gilinskii Ya.I. Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiistva i drugikh «otklonenii» [Deviantology: sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other "deviations"]. Saint-Petersburg, 2014. 248 p.
7. Dyurkgeim E. Samoubiistvo: Sotsiologicheskii etyud [Suicide: a Sociological study]. Moscow: Prosveshchenie, 2014. 375 p.
8. Efremov V.S. Osnovy suitsidologii: monografiya [Fundamentals of suicide-studying]. Saint-Petersburg: Dialekt, 2014. 479 p.
9. Zinov'ev S.V. Suitsid: Popytka sistemnogo analiza [Suicide: Attempt of system analysis]. Saint-Petersburg: SOTIS, 2012. 135 p.
10. Ishimbaeva A.N. Suitsidal'noe povedenie u detei i podrozkov Zabaikal'skogo kraja: avtoref. disser. ... kand. med. nauk. [Suicidal behavior in children and adolescents in Zabaykalsky Krai. PhD thesis]. Moscow, 2013. 24 p.
11. Karandashev V.N. Zhit' bez strakha smerti [To live without fear of death]. Moscow: Smysl, 2005. 325 p.
12. Kulikov A.V. Suitsidal'noe povedenie u detei i podrozkov s endogennymi zbolevaniyami [Suicidal behavior in children and adolescents with endogenous diseases]. *Zhurnal nevrologii i psikhatrii im. S.S. Korsakova [Journal of Neurology and Psychiatry named after S.S. Korsakov]*, 2015, vol. 107, no. 8, pp. 15–23.
13. Kukhareenko I.A., Rychkova M.V., Khasan B.I. Metodika issledovaniya dinamiki riska addiktivnogo povedeniya v podrozkovom vozraste (na primere narkozavisimosti) [Methods of studying the dynamics of risk of addictive behavior in adolescence (on the example of drug addiction)]. *Psikhologicheskaya diagnostika [Psychological Diagnostics]*, 2015, no. 3, pp. 17–44.
14. Lichko A.E. Psikhopatii i aktsentuatsii kharaktera u podrozkov [Psychopathy and accentuations of character in adolescents]. Saint-Petersburg: Publ. of NIPNI im. V.M. Bekhtereva, 2012. 256 p.
15. Piazhe Zh. Rech' i myshlenie rebenka [Speech and thinking child]. Saint-Petersburg: Publ.Soyuz, 1997. 256 p.
16. Pogodin I.A. Suitsidal'noe povedenie: psikhologicheskie aspekty [Suicidal behavior: psychological aspects]. Moscow: Publ. of MGU, 2014. 330 p.

17. Psikhologicheskaya entsiklopediya. [Psychological encyclopedia]. In R. Korsini, A. Auerbakha (eds.). Saint-Petersburg: Piter, 2006. 1006 p.
18. Purich-Peiyakovich I., Dun'ich D.I. Samoubiistvo podrostkov [Suicide teenagers]. Moscow: Meditsina, 2000. 168 p.
19. Rakhimkulova A.S., Rozanov V.A. Suitsidal'nost' i sklonnost' k risku u podrostkov: biopsikhosotsial'nyi sintez [Suicidality and risk appetite in adolescents: biopsychosocial synthesis]. *Suitsidologiya [Suicidology]*, 2013, vol. 4, no. 2, pp. 8–24.
20. Reingol'd Dzh. Mat', trevoga i smert'. Kompleks tragicheskoi smerti [The complex tragic death]. In V.M. Astapova (ed.). Moscow: Publ. of MPSU, 2017. 352 p.
21. Soldatkin V.A., D'yachenko A.V., Merkur'eva K.S. Issledovanie suitsidologicheskoi i addiktologicheskoi obstanovki v studencheskoi srede g. Rostova-na-Donu [Research results and addictological situation in the student's environment of Rostov-na-Donu]. *Suitsidologiya [Suicidology]*, 2012, no. 4, pp. 60–64.
22. Tarasevich O.N. Tendentsii suitsidal'nogo povedeniya sovremennoi rossiiskoi molodezhi [Tendencies of suicidal behavior of modern Russian youth]. *Vestnik Irkutskogo Gosudarstvennogo Tekhnicheskogo Universiteta [Bulletin of Irkutsk State Technical University]*, 2015, no. 1, pp. 213–215.
23. Ushakova E.S. Suitsidal'nyi risk: sotsiologicheskii analiz [Suicidal risk: sociological analysis]: avtoref. diss. kand. sotsiolog. nauk. Saint-Petersburg, 2014. 23 p.
24. Freid Z. Izbrannoe [Favorites]. Moscow: AST LTD, 2015. 448 p.
25. Fromm E. Vo imya zhizni [In the name of life]. O lyubvi k zhizni, o smerti i o «tainakh inogo bytiya» [On the love of life, death and the "secrets of another being"]. In G.G. Kirilenko [ed.]. Moscow: Znanie, 1992. Pp. 8–27.
26. Shneider L.B. Molodezhnye subkul'tury kak formy eksperimental'nogo filosofstvovaniya molodykh. [Youth subcultures as forms of experimental philosophizing of young people]. In S.I. Levikova (ed.), *Filosofiya – Detyam: Dialog kul'tur i kul'tura dialoga: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Philosophy – Children: Dialogue of cultures and culture of dialogue: materials of the III International scientific-practical conference]*. Moscow: Gumanitarii, 2008, pp. 140–143.
27. Shneider L.B. Professional'naya identichnost': struktura, genezis i usloviya stanovleniya. Avtoref. dissert... dokt. psikh. nauk [Professional identity: structure, Genesis and conditions of formation. PhD Thesis]. Moscow, 2001. 42 p.
28. Shneider L.B. Smert' kak ritual'noe, professional'noe i material'noe [Death as ritual, professional and material]. *Razvitie lichnosti [Personality Development]*, 2003, no. 1, pp. 78–97.
29. Shneider L.B. Tsentratsiya kak klyuchevoi moment v stanovlenii identichnosti [Centration as a key moment in the formation of identity]. In T.D. Martsinkovskaya, M.O. Rezvantseva, V.R. Orestova (eds.), *Sbornik tezisov Mezhdunarodnoi nauchnoi*

konferentsii «Kul'turno-istoricheskii podkhod: ot L.S. Vygotskogo – k XXI veku» [Collection of abstracts of the International scientific conference "Cultural and historical approach: from L.S. Vygotsky – to the XXI century"]. Moscow: Publ. of RGGU, 2017, pp. 150–154.

30. Shneidman E.S. Dusha samoubiitsy [Soul suicide]. Moscow: Smysl, 2014. 315 p.
31. Everell R.D., Bostik K.E., Paulson B.L. Ya ustal byt' soboi: razvitie temy yunosheskogo suitsida: daidzhest [I'm tired of being myself: the development of the theme of youthful suicide: digest]. *Psikhologiya obucheniya [Psychology of Learning]*, 2012, no. 3, pp. 73–76.
32. Esher D. 13 prichin «pochemu» [13 reasons "why."]. Moscow: AST, 2017. 352 p.
33. Beck A.T., Kovacs M., Weissman A. Assessment of suicidal ideation: The scale for suicide ideation. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 1979, vol. 47, no. 2, pp. 343–352. doi:10.1037/0022-006x.47.2.343.
34. Eissler K.R. The psychiatrist and Dying Patient. New York: International Universities Press, 1955. 338 p.